

Часть первая.

Каждый хочет быть счастливым

Глава 1. Беспокойный день доктора Уилсона

Понедельник начинался весьма и весьма паршиво. Джозеф Уилсон сидел в своем кабинете на Мэдисон-авеню в полном одиночестве. Он был в отчаянии, безмолвно созерцая своего двойника на гладкой поверхности полированного стола цвета мореного дуба: тот опустил подбородок на сжатые в кулаки руки, лежащие на столешнице, и тяжело, лихорадочно дышал.

Дела складывались плачевным образом, что, впрочем, с доктором происходило не впервые. Кто бы мог предположить, что его ассистентка Люси решит взять расчет, не предупредив об этом заранее. Ее поступку не было названия — просто возмутительно! О подобном он и думать не мог до вчерашнего вечера. Даже во сне такое ему бы не приснилось. И все же это случилось — словно разверзлись ясные небеса и прозвучал гром, вызвавший у доктора дрожь, которая прошла от шеи до самого низа живота.

Хотя еще в пятницу, накануне выходных, он заметил, что в поведении Люси стали проявляться нервозность и неуравновешенность, а сегодня утром... не успел он войти в кабинет, как она влетела за ним, сухо извинилась и, придвинув кресло

поближе к столу, уселась на самый краешек, высоко подняв голову и выпрямив спину. Было очевидно, что она очень волнуется, к тому же выглядела она неважно.

Вскоре он узнал, что его тридцативосьмилетняя ассистентка собиралась стать матерью и решила подготовиться к появлению долгожданного первенца. Такой внезапный уход помощницы на седьмой неделе ее беременности сильно огорчил доктора. Он не понимал, как она может оставить его сражаться в одиночку с целой армией пациентов? Достаточно ли он ценил ее? Получала ли она, помимо зарплаты, бонусы и плату за сверхурочные часы? И если да, чем же он не угодил Люси, что она, вовсе не исключено, нафантазировала беременность? Да, он имел основания для такого кажущегося безумным предположения как специалист, которому многое пришлось повидать в своей многолетней психотерапевтической практике. В том числе и женщин с мнимой беременностью, и тех, которые ходили с накладными животами, чтобы создать впечатление, что они в положении.

— Вы ведь не знаете, доктор Уилсон, сколько лет мы с мужем боролись с природой за право быть родителями. Как я ждала, что в одно прекрасное утро проснусь и пойму, что жду дитя, — Люси переплела пальцы и уронила руки на колени. — Но время шло, а чуда не происходило: мы раз за разом терпели поражение. Джон долго не задавал вопросов, иногда топил горе в бутылке, но я не хотела сдаваться. А однажды он, перебрав с алкоголем, спросил прямо: «Дорогая, почему ты не призналась до помолвки, что бесплодна? Разве я не говорил, что хочу детей?» Я ходила на консультации к гинекологу, а еще через год объявила супругу, что мои шансы забеременеть естественным путем ничтожны, поэтому остается только одно — зачатие «в пробирке», то есть когда оплодотворение происходит вне тела матери... Узнав,

что врач подтвердил наши догадки, муж напился и заявил, что я никчемная, бракованная женщина, раз не могу родить ребенка. Я никогда не рассказывала вам, доктор, что наша с Джоном семейная жизнь никогда не была раем: одни молчаливые упреки, мы даже чуть не развелись. И вот, наконец, произошло чудо... Я не могла остановиться, все повторяла слова гинеколога: «Рад сообщить, Люси, что вы беременны». Пресвятая Дева, наконец, после стольких лет переживаний, ложных надежд и жестоких разочарований, мы станем семьей. Я была на седьмом небе от счастья, и мне не терпелось поскорее сказать об этом Джону...

Джозеф видел, как двигаются губы Люси, как выгибаются брови, морщится лоб. Но не слышал ее голоса. В эти минуты его мозг усиленно трудился, думая, что предпринять, если его ассистентка не соизволит изменить своего решения? Удастся ли ему быстро найти стоящую замену? Внезапно он почувствовал себя одиноким и незащищенным человеком, которому не на кого положиться, не от кого ждать поддержки. Люси выбрала лучшее время, чтобы застать его врасплох, почти сломить. Он на мгновение попытался представить, что остался один на один со своими пациентами. То, что он увидел, не слишком ему понравилось, и он решил успокоить нервную систему, отвлечься от проблемы и попытаться достичь внутреннего равновесия:

«Ничего не поделаешь, Джо, горячий сегодня выдался денек. Но тебе не положено волноваться! — уговаривал он себя, закрыв глаза и дыша так, как это рекомендуют делать инструкторы дыхательных практик: прижимая кончик языка к небу, он слегка приоткрыл рот и полностью выдохнул. Затем закрыл рот и сделал вдох носом, считая до четырех. Потом досчитал до семи, задержав дыхание, и наконец медленно, со свистом выдохнул, считая до восьми. Он повторил

упражнение несколько раз, твердя про себя: «Тебе хорошо и спокойно Джо. Ты — камень! Даже можно сказать — скала... Да, именно! Ты — скала в море. В огромном море. Или океане, где через день бывает шторм. Люди боятся шторма и прячутся кто куда. А ты стоишь. Стоишь уже много тысяч лет. Ты сильная, неприступная, нерушимая скала!!! В тебе нет ни одной расщелины. Удар даже самой сильной волны для тебя лишь нежное прикосновение. С каждым новым ударом ты становишься только тверже и несокрушимее».

Окутанный черной пеленой размышлений, он нервно вышагивал в кабинете из угла в угол... И то и дело бросал злобный взгляд на противоположную от стола стену: на ней над кушеткой Фрейда висел портрет самого герра доктора профессора Зигмунда Фрейда — отца-основателя психоанализа, сообщившего миру, что ничего в жизни человека не происходит просто так, всегда и во всем следует искать первопричину. И что же теперь ему, Джозефу, делать, уважаемый профессор? Есть что сказать по этому поводу?

Тот, спрятав губы в седой бородке, молчал, что было так на него непохоже: чаще он облачался в мантию мудрого советчика, и все бы ничего, если бы старикан не обладал дурной привычкой заставлять Уилсона выслушивать свои бесконечные нравоучения, считая собственное мнение единственно верным. Раза два Джозеф пробовал прервать его рассуждения, пытался заставить замолчать, но профессор властным движением головы и жестким голосом, не допускающим малейшего неподчинения или возражения, подавлял его. Говорят, он и при жизни был патологически авторитарен! И Джозеф безмолвно подчинялся. Но чаще профессор острил и глумился, выискивая у него профессиональные просчеты и промахи. Этот человек, кажется, любил

насмехаться над всем миром, доказывая свое превосходство и удовлетворяя самолюбие...

— А-а-а, — внезапно изрек Фрейд. — Так, значит, вам все-таки понадобился мой совет, коллега Уилсон? То-то же вы не отводите от меня свой взор, такой жалкий, потухший, вопрошающий...

— В чем дело, герр профессор? — сухо спросил Джо-зеф. — Что вам угодно?

— Хотите поплакаться в жилетку? Ну же, давайте! Смелее! Не подавляйте свое нытье!

— Ну, знаете ли, профессор, это уже слишком! Благодарю, но я не просил ваших советов.

— Бросьте отнекиваться, Уилсон! Просили! Еще как просили. У меня плохой слух, но наметанный глаз. И я охотно поделюсь с вами опытом, пока вы не начали успокаивать себя транквилизаторами. Вот вы сейчас сопели там, пыхтели до красноты, жадно хватали воздух. И все попусту, дружище. Избранный вами способ ни к черту не годится. Вы используете неправильную методику лечения. В данном случае, с учетом индивидуальных особенностей вашего организма, идеально подойдет шавасана. Вы что-нибудь слышали об этой практике? Она намного эффективнее дыхательных упражнений. И главное — никаких побочных эффектов! Все слишком просто: вам следует стать трупом. Нет-нет, не надо умирать, майн герр. Только примите позу трупа: лягте на спину, как мертвец, опустите руки вдоль тела, ноги слегка раздвиньте. Будьте абсолютно неподвижны: разве у трупа есть проблемы? Его одолевают сотни мыслей в минуту? Нет! Добейтесь состояния полного умиротворения. Помните, расслабление идет не сверху вниз, а снизу вверх — от кончиков пальцев ног к затылку. Пробудьте в этой чудесной асане десять минут, представляя себя огромной птицей, отрывающейся от земли

и парящей высоко в небе. Результат вас ошеломит, коллега! Ваше тело станет невесомым и поднимется ввысь, как пушинка, подхваченная ветром. Ну, так чего же вы ждете? Сию же минуту ложитесь на пол!

— Благодарю вас, профессор, но...

— Прошу вас! — упорствовал старик.

— Я сказал — нет. И вообще...

— Что «вообще»? Ну, продолжайте, продолжайте! А-а-а, так вы, значит, не желаете слушать бредни старого еврея, считая их вздором, да? Ну что ж, коллега, это в корне меняет дело. Похоже, пришло время внести ясность и дать четкое определение нашим непростым отношениям. Результат большого числа отдельных умозаключений, сделанных исходя из моей эрудиции и общего кругозора, показывает, что вам, по всей видимости, и правда не нужны мои советы и рекомендации. Вы ведь и без меня все прекрасно знаете. — Уилсону показалось, что Зигмунд пожал плечами в знак того, что сдается. — Или, быть может, вы видите во мне конкурента? Прошу прощения за прямоту, но у вас, надо думать, сейчас только одна потребность — в сочувствии и жалости к себе, бедному и несчастному...

Джозеф стремительно поднял голову и посмотрел на профессора. Его глаза горели гневом. «Полегче на поворотах, профессор!» — эти слова уже были готовы сорваться с его языка.

— Требую, чтобы вы не вмешивались в мою жизнь! Слышите? Я не стану больше терпеть ваших поучений! С меня довольно. Вы слышите меня?

Но кричать не пришлось, потому что герр профессор умолк сам, демонстрируя полнейшее нежелание общаться с хозяином этого кабинета.

Джозеф понимал, что единственное решение, в правильности которого он не сомневался, заключалось в том, чтобы взять паузу. Ну чем не соломоново решение? Заполучить передышку лишь на несколько минут или подлиннее — на полчаса, час — неважно. Главное — выждать. Это позволит ему выиграть время и сосредоточиться, а не рубить сплеча, и тем самым показать Люси, которая хочет безжалостно разрушить привычный уклад его жизни, спокойствие и уверенность — на нее это может подействовать отрезвляюще. А самому тем временем собраться с мыслями и обдумать дальнейшие шаги...

Он слышал, как в приемной трезвонил телефон. Затем до его ушей донеслось раздраженное меццо-сопрано Люси, — приглушенное и взволнованное, в нем звучали нотки драматизма и вместе с тем, как ему казалось, насмешливость. Она занималась тем, что «отбрасывала» его пациентов в откровенно резкой форме: «Ничем не могу вам помочь... Прием идет по предварительной записи... Я не в курсе его расписания... Нет, мне ничего не известно о наличии свободных мест... Говорят вам, я ничего не знаю... Почему? Потому что больше не работаю в этом сумасшедшем доме... Что вы сказали? Ну, в таком случае ничего не мешает вам обратиться к другому психоаналитику... Это вы мне? Да перестаньте, в конце концов, хамить!»

Джозеф почти видел, как у нее в этот момент поджимаются губы и она взволнованно передергивает плечами. Она всегда так поступала в случае затруднений, считая подобную мимику и телодвижение лучшим способом защиты от неблагоприятного внешнего воздействия.

Несколько минут спустя, выйдя, слегка сгорбившись, из кабинета в просторную приемную с креслами, обитыми сиреневым бархатом, он обратился к ней:

— Люси, — его голос был таким елейным и спокойным, каким он только мог его сделать. — Согласитесь, что ваш срок очень мал. В наши дни женщины работают вплоть до самых последних недель беременности...

Даже стенам в ту минуту была понятна причина, по какой он прервался на полуслове: он вдруг осознал, что его пустословие подействует на нее как красная тряпка на быка. И замолчал, затаившись в ожидании урагана под названием Люси — ужасающего вихря неведомой силы, который непременно обрушится на его голову. Однако его ассистентка молчала, плотно сжав губы. Кажется, в этот момент она была занята чем-то более полезным: суетилась, осматривая ящики и собирая свои вещи.

Чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, Джозеф в неуверенности провел рукой по редющим волосам и, стараясь не смотреть на ассистентку, перевел взгляд на стену: календарь сообщал о наступлении апреля 2019 года. Неужели? А ведь он и не заметил, как пришла весна! Тут его осенила мысль, от которой сразу стало веселее: «Ага! Так вот, оказывается, почему сегодня с самого утра моя любимая радиостанция разразилась буйством шуток, а по ТВ сообщали списки самых глупых людей Соединенных Штатов! Неужто Люси решила разыграть меня в честь праздника? Что ж, в таком случае я не стану обижаться на первоапрельскую шутку, а наоборот — посмеюсь вместе с ней...»

Ну вот, к счастью, все встало на свои места!

Он облегченно вздохнул и заметно оживился, еще не зная, что просчитался.

— Что? — запальчиво переспросила Люси, прервав его размышления. — Что, простите? — она метнула на Джозефа пронзительный взгляд, и доктор мог бы дать голову на отсечение, что в нем было больше злости, чем озадаченности.

Она, вздыхая, поднялась с корточек, закончив сваливать в увесистую коробку свои вещи — милый ее сердцу мир, частицы которого она собирала и бережно хранила в ящиках письменного стола, в стенном шкафу и на полках, бесцеремонно оттеснив медицинские карты клиентов. В коробке находились склянки и флакончики духов, тюбики давно использованных помад, пустые коробочки из-под пудры, зеркальце, две или три расчески, ужасная фарфоровая статуэтка серой кошки, музыкальный ларец с балериной, деревянная шкатулка для бижутерии, бисерная сумочка, копилка-поросенок, бантики и платки и прочий хлам — все, кроме каких-то вещей, указывающих на деловую активность!

Лишь в этот момент Джозеф обнаружил, что сегодня Люси была в необычном облачении. На ней вместо легкой приталенной блузы, юбки и туфель на шпильках было темное платье свободного кроя и обувь на плоской подошве. Такую одежду надевают беременные женщины Нью-Йорка, чтобы чувствовать себя комфортно. Хотя Люси она ни к чему, во всяком случае на данный момент, поскольку она совсем не изменилась: тот же впалый живот, прилипший к осиной талии, костлявые руки, плоская грудь и торчащая из воротника блузы длинная шея, окольцованная стеклянными бусами.

— Я знаю, доктор, все ваши уловки. Сейчас вы начнете манипулировать мной через испытанные методы подавления... Не выйдет! Я помню ваши слова, что внимание человека должно быть включено постоянно, чтобы хорошие психоаналитики вроде вас не смогли убедить его в перспективности совершенно бесперспективного занятия... И, к слову сказать,

сомневаюсь, что вы так же великолепно знаете физиологию женщины, как психоанализ. Вам известно, что наиболее опасной стадией является первая половина беременности. При заражении велик риск, что ребенок родится с различными уродствами. Никакая работа того не стоит...

— О каком заражении вы говорите, Люси? Я не понимаю...

— Вы прекрасно понимаете, о чем я... и о ком! — Она выставила вперед ладонь, заставив Джозефа замолчать. — Здесь я ежечасно подвергаюсь воздействию психических микробов... Тут за день такое повидеашь... — Ее невидящий взгляд заскользил по шеренге стеллажей с папками. — А мое хрупкое тело не покрыто непробиваемым панцирем, как у вас, — она подняла правую руку и выставила вверх указательный палец, — чтобы наставлять на путь истинный самоубийц и маньяков Южного Квинса, вроде этого вашего Томаса Па-тис-со-на. — Он услышал медленное, по слогам, произнесение фамилии и увидел, как взметнулся вверх еще один ее палец. — Развратников и мазохистов с Лонгвуд-авеню, вроде Джеймса Хам-ме-ра или Дороти Фокс с их тайными сексуальными желаниями: «О, я дрянная девчонка, доктор Уилсон, и ничего не могу с этим поделатъ».

Презрение не сходило с ее лица, а рот кривился в брезгливой гримасе, пока она передразнивала пациентов. Такую Люси он еще не знал. Молодая женщина подняла вверх третий палец:

— Ну и всяких там нарциссов, психопатов и мрачных меланхоликов Манхэттена, наподобие Чарлза Клу-ни и, конечно, Эндрю Роб-бин-со-на. Особенно Эндрю Роб-бин-со-на... Не припомню, говорила ли я вам, что он, уходя в последний раз, посмотрел на меня так, словно готов четвертовать, затем наклонился к самому моему лицу и зашептал на ухо: «Черт подери вас с вашим мозгоправом. Это не конец, детка! Мы еще

встретимся... В моем распоряжении имеются средства, которые означают для вас обоих тяжелые последствия»... Мне, знаете ли, не привыкать, доктор Уилсон, но выходка этого сумасшедшего шокировала меня...

Так вот оно что! Эндрю Роббинсон. Услышав имя бывшего пациента, Джозеф передернулся от неприятных воспоминаний, и что-то задрожало около его губ, словно он нечаянно коснулся оголенного провода и получил чувствительный удар. Вот, стало быть, в чем дело.

Эндрю Роббинсон посещал четыре сеанса в неделю в течение полугода и был сложным и неприятным пациентом. Толстый, обрюзгший мужчина сорока пяти лет (они с Уилсоном оказались почти ровесниками), в помятом костюме, с опухшим желтоватым лицом, а его левое ухо было заметно больше правого, что привлекало внимание к его довольно заурядной внешности.

— Я беспокоюсь по поводу всего, доктор, — это была, кажется, первая фраза, которую он сказал, как только занял место в кресле пациента.

— Хотите поговорить со мной об этом? — начал Джозеф, стремясь разговорить клиента.

— Я очень боюсь птиц, особенно голубей, и стараюсь избегать встречи с ними. Они вызывают у меня панический страх...

— А что же такого страшного вы находите в птицах, мистер Роббинсон?

— Меня могут склевать...

— Склевать? Мистер Роббинсон, я постараюсь помочь вам осознать, что вероятность, при которой птица может причинить вам вред, крайне мала. Пернатые сами опасаются людей и практически никогда не нападают первыми, если только не защищают свое гнездо...

— Но меня они хотят склевать. А еще будят во мне жуткое чувство отвращения.

— Да? Почему же?

— Для меня они как летающие крысы — переносчики грязи и инфекций. Раньше я пугался только пролетающего мимо голубя. Теперь все ухудшилось: меня раздражает, даже если вижу их в парке мирно клюющими корм. Сегодня, проходя через Центральный парк, я спугнул голубей. Шумно хлопая крыльями, птицы взмыли вверх. Я уже успокоился, но оказалось, что далеко они не улетели, а принялись описывать круги над моей головой. И вскоре спикировали вниз и возобновили пиршество. Они хрипло каркали...

— Но голуби не каркают, мистер Роббинсон. Они воркуют... или курлыкают, если хотите. Это милые и безобидные создания...

— А те каркали... Мне показалось, они издеваются надо мной. И налетали друг на друга, ссорясь из-за добычи.

— Это то, зачем вы пришли ко мне, мистер Роббинсон?

— Нет! Разумеется, нет, доктор! У меня есть множество причин для беспокойства. Вы ведь слышали про таяние ледников Гренландии? — Он удивленно приподнял брови. — Если это правда, то человечество останется без пресной воды. А что будет с океаном, если растает Антарктида? Сколько стран уйдет под воду?

«Наблюдаю орнитофобию, тревогу и навязчивые мысли», — аккуратно записал Джозеф в своем блокноте.

— Продолжайте, прошу вас, мистер Роббинсон. Что еще вас тревожит?

— Я волнуюсь по поводу того, где мне держать свой сотовый телефон.

— А что насчет сотового?

— Раньше я всегда держал его во внутреннем кармане пиджака. Но у меня стало болеть сердце.

— Да? И что вы?

— Мне пришлось переложить его в карман брюк, но боюсь, что рано или поздно у меня обнаружат рак гениталий. Из-за этого я не могу уснуть. И еще мне все время кажется, что я не помыл руки после того, как почистил зубы. Ночью встаю несколько раз и проверяю, хорошо ли заперта входная дверь...

— У вас имеется основание кого-то бояться, мистер Роббинсон? Вам кто-нибудь угрожает?

— Не думаю. Но разве вы не слышали про вооруженные уличные банды, ведущие войны за контроль над кварталами, за право торговать там наркотиками? Афроамериканцы и латиносы, ирландская мафия и сицилийские кланы — они люто ненавидят друг друга. И знаете, доктор, когда живешь в Южном Бронксе, тебе нелишне позаботиться о своей безопасности. Почему вы молчите? Признайтесь, хотите оставить меня одного на поле боя? И прошу вас, доктор, не надо... не старайтесь меня переубедить, что все эти опасения — лишь плоды моей буйной фантазии и больного воображения... Вот сегодня, к примеру, я влип в передрагу. Шел к вам и по пути наткнулся на бандитов. Они выскочили из фургона марки «Форд». Видели бы вы их свирепые лица — от их взгляда в жилах стынет кровь! Двое или трое — здоровенные лбы, — действуя заодно, начали на меня охоту. Увидев копа — притом что я ненавижу копов и никаких дел с ними

не имею, — я завопил, что меня преследуют. Как вы думаете, что произошло дальше? Вам любопытно? Через пару минут коп, переговорив с разбойниками, сказал мне, что не стоит паниковать. Это, мол, никакие не грабители, а обычные бездомные, выпрашивающие у прохожих пару баксов на обед. Сказал, что полиция постоянно их разгоняет, но тех это не заботит — они снова возвращаются на свои места. Как вам, доктор Уилсон? Вы бы поверили в эти рассказы?

В комнате повисло молчание. Джозеф записывал что-то. А Роббинсон сверлил взглядом носок своей туфли, словно видел его впервые. Потом заерзал на месте и, не поднимая головы, воскликнул:

— Послушайте! Нельзя ли опустить шторы? Мне в глаза бьют солнечные лучи! Так-то лучше! И еще... у вас есть другое кресло? Нет, такое же меня не устроит. У меня спина ноет, черт бы ее побрал! Мне нужна удобная спинка. Нет, спасибо, на вашей кушетке мне будет жестко, вам не мешает сменить ее на мягкий диван. Как это понимать? — Он состроил обиженное лицо. — Вы же не хотите сказать, что мне придется стоять во время сеанса? Так не годится, доктор. Я не хочу, чтобы мне портили настроение...

— Вы полагаете, я порчу вам настроение, мистер Роббинсон? — Джозеф откинулся в кресле и посмотрел на потолок, как всегда, когда внимательно слушал собеседника.

— Вы пытались это сделать, — ответит тот, глядя доктору прямо в глаза, чего никогда прежде не делал.

Джозеф вопросительно поднял брови.

— Благодарю вас, мистер Роббинсон, за откровенность. Я непременно учту ваши замечания, а также просьбу относительно кресла. А сейчас, если вас не затруднит, я бы все-таки попросил вас пересесть на кушетку — всего лишь на пару мгновений. Замечательно. Итак, что вы видите перед собой,

сидя на кушетке? О'кей. А теперь пересядьте на мое кресло. Да-да, сюда. Вы очень добры. Что вы замечаете? Правильно. Здесь все иначе. Но это одна комната. Мы просто смотрим на нее с разных точек. Так и с вашими проблемами. Взгляните на них с другой точки зрения. И они уже не будут так страшны, так болезненны.

Посетив доктора через день, Эндрю Роббинсон стал жаловаться, что не спит по ночам, переживая, не капает ли вода из крана в душевой. Не произошло ли короткое замыкание, что непременно станет причиной пожара. Или, быть может, пока он безмятежно спит, происходит утечка газа. Он слышал, что не всегда можно учуять запах газа, и ему бы не хотелось сгореть заживо в своей квартире или задохнуться.

У него был особый дар постоянно преподносить Джозефу сюрпризы. Так, однажды он принес абстрактный рисунок и заявил, что это статуя Свободы. Это оказалась грубая, аляповатая мазня, примитивная и жалкая. Не найдя восхищения в глазах доктора, он стал злиться, вопил, что он художник, правда, еще не оцененный. Да, возможно, он немного безумен, кричал он, но ведь у любого творческого человека есть отклонения в психике. И это совсем не означает, что он сумасшедший, просто другой, не такой, как все. Наконец, в подтверждение своих слов, он извлек из кармана темно-синего макинтоша свернутый рулон, которым оказался постер о его персональной выставке. «Господи, да он мнит себя живописцем, — размышлял Уилсон. — Предварительный диагноз: невроз либо даже параноидальная шизофрения. Придется разбираться с этим. Ну, а что касается его иллюзий — не будем их развенчивать. Против болезни хороши все средства. Даже обман пациента. Ведь, по сути, это не обман, а вынужденное средство терапии».

— Повсюду бактерии. Вирусы. Они везде — в воздухе, в воде, на нас, внутри нас. Боюсь, что меня поразит какой-нибудь страшный недуг, — сообщил Роббинсон во время очередного визита.

— Ну что вы, сэр! Да будет вам известно, никакой вирус вас не возьмет, если внутренне вы настроены на здоровье и долгую успешную жизнь!

— Что? Вы считаете, страх — всего лишь мой вымысел? Допустим. А если случится землетрясение, ускорится глобальное потепление из-за загрязнения атмосферы? Это тоже мираж, скажете? Вот потому все это меня беспокоит. А вас разве нет? Нет? Тогда это ваша проблема. И вообще, вы не рассказали, как собираетесь лечить меня? Неужели электрошоком, пуская ток в голову? Вы ведь, слышал, психиатр, вам все сойдет с рук...

— Прежде всего я собираюсь вас выслушать, Эндрю. Мне важно понять причину ваших фобий. Затем проанализирую услышанное, и мы приступим к лечению. Вам стоит раскрыться, чтобы мы полноценно пообщались. Терапия — это обмен. Вы пожинаете то, что посеяли.

— Что за чушь, доктор? Или я неинтересен вам как пациент? К чему эта никому не нужная болтовня? Если вы врач, дайте мне лекарства, что-то, что поможет.

— По своему опыту я знаю, что лекарства стоит принимать с большой осторожностью. Я не назначу вам препаратов, если буду сомневаться, помогут ли они вам. Такой у меня подход к делу. Я верю, что беседа и раскрытие проблемы — самый действенный метод в сочетании с медитацией, соблюдением правильного образа жизни, баланса. И если это не принесет должного результата, тогда я выпишу вам лекарства. Давайте попытаемся продвигаться вперед, шаг за шагом.

— Я так и знал — кругом одни враги. Они повсюду. Юрист желает, чтобы ты попал в беду. Автослесарь радостно потирает руки, если ты разбил автомобиль. А врач счастлив, когда ты болен. И их злодейский заговор сработает, если они столкнут кого-нибудь в депрессию и превратят в послушное орудие в своих руках. Вы — один из них! Утверждаете, что помогаете людям, но, ломая их психику, только искажаете их реальность. Боже, зачем я вообще сюда потащился? Ненавижу людей, их гребаное лицемерие...

«Что ж, у каждого безумия своя логика», — думал Джозеф. Его взгляд скользнул по стене, откуда с портрета ему одобрительно подмигнул старик Фрейд: «Какое завидное хладнокровие. Bravo, Уилсон, bravo!» Действительно, его внешнее хладнокровие почти граничило с безразличием. И, продолжая беседу, он произнес:

— Вам незачем так волноваться, Эндрю. Я найду для вас правильное лечение.

— Что порекомендуете на сей раз, любезный доктор-мозгоправ? Впрочем, вы не оригинальны. Знаю, опять отправите меня в магазин покупать что-то, чтобы поднять настроение. Угадал? У меня дома уже коллекция новых вещей! Или посоветуете пойти в кондитерскую за шоколадным тортом? Из-за ваших никчемных советов у меня отросло пузо, и теперь штаны и рубашки, купленные по вашему предписанию, мне малы. У вас что, договор с кондитерской на привлечение новых покупателей? Что? Вы спрашиваете, как мне пришла в голову такая мысль? Да я постоянно вижу в том магазине толпу. Уверен, все они — ваши клиенты! Я понял, что к чему: вы такой же, как и ваши собратья: все на один лад! Считаете меня законченным идиотом, и вам плевать на меня! Потому что всем плевать на то, что говорит идиот! А может, у вас

нестандартное чувство юмора? Что, если вы решили поиздеваться надо мной — как те голуби в парке?

— Вам полегчало, Эндрю, когда вы высказали все, что было в вашей голове?

— Хм, хотите сказать, вам не хватило времени, чтобы разобраться, что в этом странном кабинете, в вашем до чертиков неудобном кресле сидит человек, которым владеет недуг куда более мощный, чем болезнь? Вы можете мне ответить, кто я? Куда я иду? И что ждет меня впереди? Мой ум поврежден. И знаю, что завтра лучше не будет. Будет только хуже. И потому смерть меня не пугает. Меня страшит жизнь. Я постоянно думаю о самоубийстве. А еще боюсь, что однажды у меня получится...

— Эндрю! Сейчас мы начнем экспозиционную терапию.

— Что?

— Нам нужно вернуться к тому дню, когда все это началось. Поверьте, Эндрю, здесь вам обязательно помогут...

— О, нет! — закричал он. — Не помогут! — и вызывающе засмеялся. — Вот он, перед вами — живой пример, что ваша терапия не действует. Не знаю, как и почему пришел сюда, но я здесь в последний раз. Вы давно махнули на меня рукой. Вы больше не обсуждаете со мной происхождение моих страхов, а просто терпеливо все выслушиваете и выражаете надежду, что до следующего сеанса со мной ничего не случится. А ваша импульсивная помощница, как ее? Люси? Смотрит на меня с издевкой и убирает со стола мои деньги. Или выставляет мне чек.

— Эндрю, не будем тратить время на обсуждение характера моей помощницы. Вам надо пройти терапию... Если желаете, мы даже можем обговорить с вами возможность сокращения нашего общения...

— Нет! Ваше лечение бессмысленно, оно мне не помогло. Вы даже не прописали лекарств! Я не чувствую себя лучше после ваших сеансов. Все кончено! Обойдусь без психоаналитика. Я уже и так нехило пополнил ваш счет в банке... Но вы все еще пытаетесь удержать меня, как и других своих пациентов.

— Вы ошибаетесь, Эндрю! Если бы я удерживал пациентов ради денег, то плохо бы спал по ночам...

— Не уверен. Вы просто злоупотребляете своим положением...

— Злоупотребляю своим положением?

— Именно! Кстати, почему вы все время поглядываете на часы?

— У меня плотный график, Эндрю...

— И что это значит? — оборвал тот Джозефа. — Что сеанс окончен?

— А вы хотите?

— Хочу, чтобы был окончен.

— Тогда считайте, что он окончен.

— Хорошо. Но учтите, черт вас подери, это еще не конец. Мы встретимся. Ах, если бы вы знали, как сильно мне иногда хотелось двинуть кулаком в вашу добродушную физиономию или подложить дохлую крысу под эту дурацкую кушетку! Это сравняло бы счет... Но и это не все... В моем распоряжении имеется кое-что, что напрочь испортит вашу репутацию! Вот увидите... Это будет иметь для вас такие последствия, что мало не покажется...

А потом случилось то, что должно было случиться при таких обстоятельствах. Джозеф Уилсон всегда признавал необходимость физического контакта с пациентами. И обычно они с Эндрю обменивались рукопожатиями в конце сеанса.

Но не сегодня: Эндрю толкнул дверь ногой и даже не обернулся на прощанье.

За долгие годы работы в практике доктора Уилсона случилось всякое. Но большинство пациентов были благодарны ему. В те редкие дни, когда он болел, они справлялись о его здоровье: как он себя чувствует и состоится ли очередной сеанс? А если он уходил в отпуск, опасались, что он больше не вернется и это станет для них концом света! Они дарили ему конфеты и музыкальные шкатулки, поздравляли с праздниками и присылали открытки на Рождество, порой незаслуженно, потому что, бывало, его пациенты выздоравливали сами. Врачи, объясняя этот феномен, называют его спонтанной ремиссией. В таком случае Уилсону было нечего сказать самому себе: его клиент здоров, и он рад, что теперь они могут попрощаться. Самым ценным подарком для него оставалось простое «спасибо» и объятия: подобные вещи заставляли его просыпаться утром и старательно выполнять свою работу. Но бывало, к счастью, крайне редко, что вместо признательности он слышал оскорбления и даже угрозы. Иначе и быть не могло — такова специфика профессии. И внутренне он был к этому готов. Единственное, чего бы ему хотелось, — нарастить непробиваемый панцирь, чтобы с большей легкостью выносить критику и нападки клиентов. Увы, в особо острые моменты его панцирь оказывался недостаточно прочным...

— Таким образом, доктор Уилсон, — продолжала Люси, лихорадочно подбирая слова, — при всем почтении к вам, я... ну, вынуждена заявить, что не намерена оставаться в такой опасной среде... Точка! Иначе еще чуть-чуть, и мне самой придется сесть на валиум и прозак. Да, и вот что... — Внезапная перемена, произошедшая с ее голосом и выражением лица, настораживала: озабоченность сменилась надменностью. — По поводу моего срока: накануне гинеколог сообщил, что

к седьмой неделе беременности крошечный мозг эмбриона производит пятьсот тысяч нервных клеток в минуту. Представляете? Полмиллиона клеток в минуту! А вы говорите: «Срок ничего не значит»...

Ее заносчивый тон задел доктора. По правде сказать, ему страшно хотелось почувствовать себя обиженным. И все же он не показал виду, хотя его состояние выдавали следы усталости и стресса, выступившие на лице.

«В этом решении Люси нет моей вины, — твердил он про себя. — Я все делаю и говорю так, как нужно. Стараюсь не допускать ошибок. Да, я самокритичен в некоторых вопросах, но в том, что касается моей компетентности как психотерапевта, я о себе высокого мнения. И потому берусь за любые случаи. Творю добро. У меня светлая голова, острый ум. Я себя люблю. И меня любят пациенты, исключая психопатов, вроде Эндрю Роббинсона».

Что ж, пусть Люси поступает, как ей вздумается! Она настроена скептически, и вряд ли получится ее переубедить. Хотелось бы только, чтобы она не ушла к конкурентам! Да хотя бы к этому пройдохе доктору Расселу. А что, если это именно то, что она задумала? Иначе зачем она предлагает клиентам обращаться к другому специалисту?

А Рассел? Какой он ему конкурент? Никакой! Полная бездарность! Хотя статьи об этом жулике с кричащими заголовками типа «Известный психолог», «Автор многочисленных бестселлеров» и «Создатель уникальной методики» не перестают мелькать на страницах желтой прессы, а его фотографии, где он позирует точно для рекламы зубной пасты, усмеваются над Уилсоном... и затмевают даже пошлые истории из жизни звезд и политиков. Эти заказные статьи и навязчивая реклама по телевизору обеспечили доктору

популярность, привлекли множество клиентов и превратили в «звезду психоанализа»!

А ведь у Рассела, в отличие от него — блестящего выпускника факультета психиатрии Стэнфорда, — нет никакого медицинского образования, лишь диплом факультета психологии неизвестного университета и многолетняя практика вешания лапши на уши. Джозеф был уверен, что Рассел закладывает у своих клиентов ошибочные модели поведения, дает неправильные установки и невыполнимые советы. Консультации этого авантюриста попросту вредны! Но слишком мало тех, кто в этом разбирается, и популярность психологических услуг «великого гуру» продолжает расти, как грибы после дождя. Он уверенно отхватил свой кусок на рынке: консультирует по радио, воздействует на психику групп, проводя псевдотренинги, больше смахивающие на сеансы самогипноза, во время которых дает страждущим рекомендации на тему «Как жить без внутренних конфликтов» и «Как себя полюбить». Американцы любят тренинги не меньше тусовок, подсаживаются на них не хуже, чем на марихуану. После них жизнь особо не меняется, но остается иллюзия скорого решения всех проблем. Каждый пятый пациент Джозефа когда-то проходил тренинги или лечение у Рассела. Оказалось, некоторых тот подсадил на такие антидепрессанты, что они забывали снимать штаны, прежде чем сесть на унитаз. Вспомнил Джозеф и тот день, когда Рассел позвонил ему и пригласил на ужин «для знакомства». Как бы не так, прохвост, даже не надейся!

Понимая, что поработать в такой гнетущей обстановке не получится, Джозеф попросил Люси отменить на сегодня все сеансы. Она гневно оторвала взгляд от ногтей, которые старательно покрывала ярко-красным лаком, и фыркнула, что означало: «Только ради вас, сэр». И нахмурилась, возвращаясь к прерванной работе, давая понять — разговор окончен.

Это еще сильнее огорчило доктора и было расценено им как откровенное неуважение. Раньше ему казалось, что она умеет слушать его с благоговением, с молчаливой покорностью смотря в глаза и аккуратно записывая в блокнот все поручения. Нет, он никогда не был склонен к авторитарным замашкам босса, требующего от подчиненных беспрекословного повиновения. Он ждал лишь одного — преданности работе и уважительного отношения к нему как к работодателю.

Так что же стало причиной такой разительной перемены в поведении Люси? Неужели он — расхваленный на весь Нью-Йорк доктор медицины, психиатр и психотерапевт-аналитик — мог так сильно заблуждаться на ее счет, не сумев найти истинных мотивов, которые ее движут? Да, порой она была резка и своенравна, но он думал, что ее вспыльчивость объясняется ее женской природой или ярким темпераментом. Он все еще считал маловероятным, что его представление о Люси было совершенно ошибочным...

Чувствуя, что нервы так и не получается успокоить, доктор Уилсон вытянул из стола старинный, черного серебра портсигар. Он был ему дорог как память о Вивиан, безвременно ушедшей жене. Много лет назад она из всех диковин антикварной лавки выбрала этот изящный портсигар — для подарка к его дню рождения... Покрутив его в ладонях, он сказал себе, что пора бы уже завязывать с курением. Но только не сегодня.

Вытащив из портсигара последнюю сигарету Treasurer, он щелкнул зажигалкой и закурил, сделал две глубокие затяжки и затем положил никотиновую палочку на край пепельницы. Над ней завился легкий сизый дымок, потянувшись к окну. Его рука непроизвольно потянулась к фотографии в коричневой рамке. И он взгляделся в застывшее в лучистой улыбке лицо Вивиан. Ей так и не удалось испытать радости

материнства. У нее было хорошее здоровье, но роды проходили с осложнениями. К тому моменту, когда ее привезли в больницу, у нее разорвалась плацента и она потеряла слишком много крови. Девочка появилась на свет через кесарево сечение, а жена умерла от сильного кровотечения, успев обнять недоношенную малютку и шепнуть ее имя — Оливия, то есть «несущая мир». Это было так похоже на Вивиан: пожертвовав собой, дать новую жизнь и надежду на что-то светлое!

Перед его глазами встала страшная картина, когда хирург сообщил о смерти жены:

— Мы сделали все, что было в наших силах, мистер Уилсон. Но, к сожалению, нам не удалось спасти вашу жену.

У него подкосились ноги.

— Нет. — В горле собрался ком, и он завыл. — Только не это. Только не моя Вивиан!

— Сочувствую вашему горю. Уверен, ваша жена была чудесной женщиной, и понимаю, как сильно вы будете скучать по ней. — Врач положил руку ему на плечо и кивнул в сторону окна: — Там за углом есть небольшая часовня. Если вы верующий, может, вам станет легче, когда вы помолитесь.

Он не хотел слышать банальных слов поддержки — в тот момент любой жест доброты был для него невыносим.

После смерти жены Оливия принесла ему истинную радость. Никто лучше, чем ребенок, не поможет перенести боль утраты. Пришлось взять няню — пожилую, но крепкую и очень добрую женщину, миссис Браун. Она воспитывала его дочь до тринадцати лет. Девочке не хватало отцовской любви: он никогда не мог дать ей то, в чем она так сильно нуждалась. Работа превратила его жизнь в океан во время шторма. Почти каждый вечер он засиживался в своем кабинете до полуночи, изучая анкеты пациентов и анализи-

руя записи, сделанные во время сеансов. А в ночь субботы занимался подготовкой к лекциям, которые в воскресенье днем читал студентам-медикам. У него находилось совсем немного времени, чтобы зайти в спальню дочери и поцеловать ее на ночь, но и тогда он отказывался читать ей сказку «Как Братец Кролик заставил Братца Лиса, Братца Волка и Братца Медведя ловить луну», обещая в следующий раз рассказать сразу две: про Братца Кролика и про Дэви Крокета.

Так, а когда же была сделана эта фотография? Неужели в день первой годовщины их свадьбы? Да, пожалуй, именно так. Вивиан всегда любила знаковые даты, чем смешила Джозефа. Он считал, что ни одна цифра не может быть сильнее чувств, но ей невозможно было доказать это. Она обижалась, если он забывал, какого числа и в каком месяце состоялась их первая встреча или когда впервые он поцеловал ее. С ней было легко, не считая моментов, когда их взгляды на жизнь и происходящие события становились преградой на пути к взаимопониманию...

Он осторожно вернул фотографию на место и несколько раз медленно провел ладонью, будто смахивая невидимые пылинки с рамки...

Затем подошел к огромному окну. Яркий свет пытался пробиться сквозь щели жалюзи и создавал в кабинете мягкое освещение. Раздвинув пальцами горизонтальные пластины, он сначала зажмурился, а затем ощутил, как весенние лучи солнца ласкают лицо. Их приветливое тепло не могли сдерживать белые пушистые облака, плывущие по небу.

Расслабившись, доктор стал рассеянно наблюдать за происходящим на улице. Все как всегда. Да и что можно увидеть на Манхэттене, кроме многоцветья толпы, которая гонится за материальными благами, находясь в постоянном стрессе от хронического недосыпания и фастфуда? В этой суете

и заключается вся жизнь современного человека — карикатурная, ничтожная повседневность в большом городе, среди бутиков и офисов, стеклобетонных небоскребов, под которыми ползут машины... Да, теперь у людей другие ценности, их заботит только собственное «я». На то, что окружает их, они не обращают внимания. А если и обращают, то стараются быстрее вернуться в свой панцирь.

Раньше все было по-другому. Раньше Вивиан и он обожали Нью-Йорк, никакой другой город в мире не мог сравниться с тем, где они жили! А теперь? Теперь он презирал его! Ненавидел эту мышиную беготню, она была просто невыносима, пугая и подавляя, заставляя ощутить себя несовременным и лишним. С какой радостью он предпочел бы свободу, оставив медицинскую практику с будоражащими душу ночными звонками, ответственностью и строгим распорядком дня, да и всю человеческую цивилизацию, чтобы поселиться вместе с дочерью на тихом острове, затерянном в Мировом океане! Но увы, как бы сильно ему ни хотелось быть с Оливией двадцать четыре часа в сутки, счета требовали регулярной оплаты.

— Простите, что вмешиваюсь. Я понимаю, что веду себя назойливо, но не могу оставаться в стороне, когда... — знакомое кряхтение с сильным немецким акцентом вырвало Джозефа из размышлений. Повернув голову, он бросил взгляд на стену, откуда сухошавый профессор Фрейд смотрел на него, недоверчиво сузив глаза! Похоже, в эту минуту ему потребовалось поболтать. — Видите ли, у меня нет круга общения, а данная потребность присуща всем людям, она, знаете ли, заложена в нас природой. Я не покидаю этого кабинета, не поддерживаю старых знакомств, а в вашем лице, к счастью, нашел приличного собеседника. Но вынужден заявить, что не потерплю пустых размышлений в этих стенах...

— Что вам угодно, герр профессор? — Джозеф был не в том расположении духа, чтобы вести беседу, но, помня о приличии, изобразил сдержанную учтивость.

— Вот вы, Уилсон, утверждаете, что вам нужна свобода?

— Совершенно верно, профессор. Мне бы хотелось ощущать себя более свободным, чем сейчас. А что? Неужели вы видите в этом какой-то нонсенс?

— Ха, обожаю людей, которые заставляют меня смеяться. Потому что смеяться — это то, что я люблю больше всего, если не считать курения сигар. Знаете, это лечит множество болезней. И мне становится смешно, когда я вижу, как люди врут!

— Что? — переспросил Джозеф. — Что значит врут? Вы это о ком, профессор? Обо мне?

— Все врут, уважаемый коллега, и вы — далеко не исключение! А причин врать, поверьте на слово старику, у людей предостаточно. Газеты врут, мои биографы врут, фальсифицируя факты моей жизни, и телевидение сегодня только и делает, что бесстыдно врет. Женщины пытаются скрыть свой возраст, свои расходы, счета за телефонные переговоры. Мужчины не говорят правду о доходах, боятся раскрыть свои истинные чувства, врут о семейном положении... Ужасно! Что касается вас, Уилсон: вы, грезя о свободе вдали от цивилизации, лгали, чтобы отвлечься, наивно думая, что ваши мысли обретут более привлекательный вид. А все дело в том, что большинство людей в действительности не хотят никакой свободы, потому что она предполагает ответственность, а ответственность людей страшит... Я описывал это в своих работах. Вы ведь, полагаю, читали мои труды? Двадцать четыре тома! Тогда зачем вы мелете эту чушь, что вам, дескать, надоела медицинская практика! Пациенты открывают вам самые сокровенные тайники души. Вы успокаиваете их,

утешаете, прогоняете отчаяние. А вас за это холят и лелеют. И, признайтесь, неплохо платят...

Надоедливый старикан! Опять завел свой патефон! Заумный и скучный всезнайка! На что он рассчитывает? Хочет втянуть меня в задушевную беседу? Ну уж нет, откровенничать с ним я точно не собираюсь! Во всяком случае, не сейчас. Хотя, справедливости ради, старик прав. Он, Уилсон, любит свою работу. И понимает, как ему повезло. Ведь он нашел свое призвание и мог со всей уверенностью заявить, что находится именно там, где должен, — на пике своего таланта, в полном соответствии со своими желаниями и интересами. Каждое утро, когда ассистентка приносила ему регистрационную книгу и он видел имена шести или семи пациентов, с которыми ему предстояло провести этот день, его наполняло чувство, определить которое он мог лишь как благоговение. В такие моменты его охватывала благодарность — чему-то, что привело его на верный путь.

Вернувшись к столу и устроившись в кресле, Джозеф вновь открыл портсигар, чтобы выкурить очередную сигарету. Но серебряный футляр оказался пуст. Тогда, пошарив в нижнем отделении стола, он вынул деревянный ящик, в котором хранил дорогие сигары. Он не любил сигары, но ему нравилось на них смотреть, любоваться переливчатыми цветами и рисунком, напоминающим сеть капилляров; изучать сигарные банты с медалями и узорами; касаться их и чувствовать приятную шероховатость, свойственную некоторым сортам табака; слышать легкое потрескивание при надавливании, говорящее о правильности их хранения. Вот и сейчас он изучал огромную кубинскую сигару, пытаясь вникнуть в ее суть; представил себе, как, если верить производителю, ее катали вручную, не доверяя эту работу станку, на темном бедре страстной кубинки. А затем, чтобы вдоволь насладиться

ароматом, вертел ее в пальцах, лаская, глядя и вдыхая запахи незажженной сигары.

— Вы знали, мой друг, что курением человек удовлетворяет сосательный рефлекс и компенсирует отсутствие материнской груди? Хотя иногда сигара — это просто сигара и ничего более, — услышал он язвительный смешок профессора, видевшего в этом предмете фаллический символ. — Курение, Уилсон, — это одно из величайших и при этом самых дешевых удовольствий в жизни...

Не обращая на профессора внимания, доктор щелкнул гильотинкой, отрезая кончик сигары, медленно раскурил ее и стал с остервенением выпускать дым. Спустя полминуты, когда во рту появился омерзительно-горький привкус, а в горле запершило, он судорожно раскашлялся. Ему захотелось выплюнуть эту гадость, но, сам не зная почему, он вцепился в нее зубами еще крепче, так, что челюсти заломило. Прошла томительная минута, прежде чем Джозеф понял — курение не принесло ему умиротворения. И он загасил сигару, уловив недовольный резкий окрик со стены, заставивший его замереть.

— Уму непостижимо, Уилсон! Что за фортели вы выкидываете? Сигару не гасят намеренно — это полное к ней неуважение и признак дурного тона! Ее бережно укладывают, чтобы она потухла сама... Право же, не ожидал от вас такого художества! Я смотрю, вы слабак! Не выкурили гавану даже на четверть! Эх, если бы я сейчас мог... Я выкуривал по двадцать сигар за день, иногда больше! Да-да, и именно это помогало мне сосредоточиться, дьявольски помогало, скажу я вам...

Джозеф с досадой оттолкнул хрустальную пепельницу, полную исковерканных окурков и серого табачного пепла. Она заскользила по полированной поверхности стола с возрастающей скоростью, как скользит подгоняемая утренним бризом яхта по глади моря, но удержалась у самого края, словно ее что-то остановило. Это спасло ворсистый турецкий килим на полу, много лет назад доставленный из Стамбула: его яркие узоры так приглянулись Вивиан («Погляди, милый, они переливаются, словно драгоценные камни»), что она, будучи на редкость упрямым человеком, уговорила его раскрыть бумажник и выложить за ковер без малого тысячу долларов, несмотря на протест Джозефа. Ничего нового: ему никогда не удавалось переубедить жену, и если уж она что-то задумала, то ни за что не отступалась от своего... Сама она с гордостью называла эту сторону своего характера упорством, Уилсон же был убежден, что это упрямство, ведь первое имеет своим источником сильное желание, а второе, наоборот, сильное нежелание. Нежелание уступать. Потому что для Вивиан было важнее оставаться собой, чем не конфликтовать с кем бы то ни было, даже с собственным мужем. Похоже, что их дочь Оливия унаследовала от матери не только миндалевидные глаза, прямой нос и ямочки на щечках, но и ее неуступчивость.

Ты не в себе, Джо! Возьми себя в руки и сохраняй спокойствие! И пепельница эта тебе еще пригодится! Ведь взвешивая созерцание ее твоими клиентами, детальное обсуждение достоинств, вместе с дальнейшей болтовней о превратностях погоды, о котировках и текущем курсе доллара и непременно о самочувствии помогает им прийти в себя, собраться с мыслями, и, в конечном итоге, повышает эффективность лечения...

За последние два года на должности Люси побывали четыре женщины. Две из них были довольно молодые особы.

Первая — кажется, ее звали Меган — назвалась моделью или актрисой, правда, непризнанной. Она была несколько полноватой для модели, но все же стройной и высокой. И смазливой, что и вскружило ей голову. Она с трудом отвечала требованиям к ассистентке доктора и уволилась через месяц, получив роль в коротенькой рекламе крема для лица.

Вторая — аляповато одетая бывшая официантка по имени Келли. По-видимому, ей была очень нужна эта работа, и в первые дни она все время оглядывалась на его дверь, тревожась, не сморозила ли чего-то по телефону, не переступила ли запретную черту в общении с его пациентами.

Но в самом начале второй недели она заявила на работу с накладными ногтями и ярко накрашенными губами: она выглядела до ужаса неестественно! Но это обстоятельство не мешало ей не терять времени даром. Она компенсировала отсутствие чаевых на новой работе тем, что пыталась заводить шашни с богатыми (и необязательно холостыми) клиентами, обремененными душевными проблемами.

Однажды Джозеф случайно подслушал ее разговор с подружкой, бывшей напарницей по ресторану, решившей, вопреки установленным правилам, нанести ей визит в рабочее время. А ведь он не терпит никаких отступлений от заведенного порядка!

— Скажи, подруга, до каких это пор ты собираешься мотаться как угорелая между столиками и расплываться в улыбке направо и налево? Тебя еще не воротит от запаха форели? У тебя же мозги свои есть! — пылко говорила Келли. — И наружность подходящая! Чего ты ждешь? Могла бы воспользоваться случаем, обаять какого-нибудь толсто-сума с Уолл-стрит и взметнуться, как ракета, на самый верх.

— Ты права, Келли. И двух мнений тут быть не может, но не так все просто, — отвечала та. — Мне, конечно, многого не понять в сложном мире чувств. Но одно мне известно:

толстосумы сокращают не только путь наверх, но и твою жизнь. Я слышала, как они пьют кровь своих пленниц. А уж если ты продала им душу... ну, то есть тело... нет, это точно не для меня.

— Смотри, не переусердствуй, изображая недотрогу. А то и впрямь придется всю жизнь спину ломать подавальщицей. Просто запомни одну вещь: никогда не выходи замуж по любви. Это ненадежно.

— Ты не веришь в любовь, да, Келли? — простодушно спросила та.

— Ни капли! Потому что нереально, чтобы мужчина и женщина прожили всю жизнь вместе, чувствуя лишь временное взаимное влечение. Любовь — всего лишь слово, которым люди пользуются, чтобы описать эти чувства.

— А как же создавать семью без любви? На основе чего? Келли насмешливо взглянула на подругу:

— Невеста должна быть на поколение, а лучше — на два моложе своего жениха. Короче, чем кобель старше и богаче, тем лучше... И пусть это тебя не шокирует! Это практично...

Ранним утром, на второй день после увольнения Келли, профессор Фрейд очнулся и устроил Уилсону взбучку:

— Когда вы нанимали на работу эту девицу, коллега, вы наивно верили, что она является образцом добродетельной фрау и будет превосходным работником. Но бывает ли у добродетельных фрау такой порочный изгиб губ?

Этот вопрос прозвучал таким высокомерным тоном, с каким, вероятно, профессор Фрейд вел воспитательные беседы с безусыми студентами-первокурсниками... Но разве он не знает, что, как ни изучай людей, в них всегда ошибаешься. Почти всегда!

Третьей ассистенткой Джозефа Уилсона стала Камилла — бывшая школьная учительница, не в меру привередливая, с худощавой фигурой, потерпевшая крах на профессиональ-

ном поприще. С тяжелым характером, с таким же тяжелым квадратным подбородком и подозрительным взглядом глубоко посаженных глаз, она впивалась в собеседника взглядом, словно гипнотизируя.

Дела вела она, пожалуй, неплохо, во всяком случае, в бумагах у нее царил полный порядок. Но все же не подходила ему из-за смущающих его странностей. Она имела обыкновение встречать и провожать клиентов долгим косым взглядом, награждая их прозвищами вроде: «псих», «чудаковатый тупица», «маниакальный интроверт» или «неуч-второгодник». Каждую минуту своей жизни она тратила, чтобы успеть вторгнуться в чужое личное пространство и отвоевать его. Она знала правило: чтобы победить — необходимо нападать. И в такие моменты напоминала кобру, готовящуюся к прыжку, хотя в это время могла мило улыбаться. Если же она по какой-то причине терпела фиаско, то не сдавалась в стремлении оставить за собой последнее слово — как в общении с клиентами, так и с ним, Уилсоном, что заставляло его думать, будто все это происходит не в кабинете психоаналитика, а в театре. Театре одного актера, в котором все роли исполнялись комедианткой Камиллой!

Хм, а что она учудила год назад, на День дурака! Устроила розыгрыш, который, должно быть, позаимствовала у бывших учеников: перевязала тесьмой свое портмоне и незаметно подбрасывала под ноги озадаченных клиентов. Это занятие так веселило ее, что она принималась хохотать во все горло и хлопать в ладоши, заикаясь, ловя воздух ртом и вытирая слезы так, что пробудила ото сна даже Фрейда: тот очнулся и первым делом попытался разобраться, где находится. Оглядевшись, вспомнил, что висит на стене, окаймленный в портретную раму, отчего залился густой краской и начать сыпать словами:

— Нет, вы только полюбуйтесь на нее, коллега! Любопытнейший случай, скажу я вам! Вы ведь подметили, у этой вашей чудаковатой фрау нарушены эмоции: она смеется и плачет в смешанной и навязчивой манере? Исходя из симптоматики, пациентка испытывает глубокую клиническую депрессию. Надеюсь, дорогой мой друг, вы обойдетесь без моего совета, что эту истеричку может излечить контрастный душ. Хотя я все же полагаю, что ее место на этой кушетке. Не беспокойтесь, со временем оно понравится ей...

— Прошу прощения, профессор, но мне не смешно!

— Ну вот! — вздохнул старик, состроив обиженное лицо, и пробурчал недовольным тоном: — И так все время. Коротать ночь в ожидании рассвета, чтобы утром в ответ на бесспорную истину, тебе, знаменитости, обреченной на полную неподвижность, затыкали рот... А где же справедливость и признательность? Ну что ж, вижу, пытаться научить вас чему-то — занятие неблагодарное; похоже, вы предпочитаете учиться на собственных ошибках, не прислушиваясь к наставлениям величайшего доктора медицины, профессора, почетного доктора права Университета Кларка, члена Лондонского королевского общества, обладателя премии Гете, почетного члена Американской психоаналитической ассоциации, Французского психоаналитического общества и Британского психологического общества... — И он демонстративно умолк, хмурясь...

Последним перлом Камиллы стала фраза, брошенная ему как бы невзначай незадолго до увольнения: «Сегодня вы попынтели на оценку “С” — “удовлетворительно”. Хорошо для посредственностей и бездарей. Но не для вас, мистер Уилсон! Для вас это скверно! Весьма скверно! Вы могли бы и большее рвение проявить...» Чекая каждое слово, она не скрывала самолюбования в своей склонности воспитывать. Сотни раз просил он не звать его мистером. Только доктором, доктором

Уилсоном... Он вдальбливал такую простую вещь в ее голову, которая, казалось, была крепко сдавлена из-за тугого пучка волос, собранного на макушке. Но Камилла, похоже, так ничего и не поняла... Или не желала понимать. Он уже стал подумывать, как бы от нее деликатно избавиться, но, к счастью, она его опередила, не забыв с ледяным выражением лица напомнить ему о выходном пособии.

Дольше всех здесь продержалась Люси, без малого один год. И вот... забеременела в самое неподходящее время. И теперь решительно покидает его.

Только он откинулся на спинку кресла и в бессилии закрыл глаза, как открылась дверь и в кабинет вошла виновница сегодняшней катастрофы.

— Я хотела поблагодарить вас за все, доктор Уилсон. И попрощаться, — миролюбиво сказала она. — И еще я подумала, что не могу не сказать напоследок: возможно, вам необходимо посетить врача.

— Врача? Какого врача? С какой стати? — Было видно, что Джозеф все еще сердится и дуется, хотя и понимает, что не в силах что-либо поменять.

— Ну, вам это лучше знать: психотерапевта или, быть может, психиатра, — еле слышно пробормотала она. — Понимаете, дело в том, что я видела, как вы жуete карандаш. А ведь это тревожный симптом, доктор. К тому же в современных карандашах есть свинец, который вызывает отравление. Возможно, именно этим и объясняется ваша раздражительность...

— Отлично! — Уилсон откинулся в кресле и сцепил руки на колене. — Вы полагаете, мне нужен психиатр, потому что я покусываю кончик карандаша? Что ж, браво, Люси! У вас редкая проницательность!

— Она, слава богу, мне не изменяет. — Женщина покачала головой. — И не только это, доктор!

— А что же еще я делаю? Зомбирую своих пациентов? Стираю их память и полностью переформатирую личность? Вы правы, управлять сознанием людей не так сложно, как кажется на первый взгляд...

— Вы напрасно шутите. Конечно нет! Но я не раз замечала, что, когда вы остаетесь один в кабинете, вы начинаете говорить с самим собой... И не убеждайте меня, что это телефон, — я проверяла! Думаю, это может быть весьма и весьма серьезно! Берегите себя, доктор...

Люси... Когда-то она показалась ему привлекательной, гибкой, как кошка, и даже загадочной. А теперь он знает, кажется, все о ней, и она больше ничем не сможет его удивить.

— Ну, вот и все. Прошу не провожать меня. В этом нет необходимости.

Хлопнула дверь его офиса — и стало тихо.

Уилсон наблюдал у окна, как Люси, держа перед собой коробку со скопившимся за год хламом, решительно сбегает по каменным ступенькам, раздраженно машет подъехавшему такси, бросает взгляд в небо и пускается по Мэдисон-авеню в сторону небоскребов Флэтайрон и Нью-Йорк-лайф-билдинг.

Хватит дергаться, Джо! Не накручивай себя! Уволилась так уволилась. Пусть благополучно родит здоровое дитя. Пора смириться и осознать, что катастрофы не случится из-за расставания с ней, хотя она и стояла на страже твоих интересов в офисе, мир с ее уходом не перевернется! Люси, как и все предыдущие ассистентки, никогда не была эталоном совершенства, который ты безуспешно пытаешься найти. В будущем следует быть внимательней, иначе заполучишь в ассистентки кого-то наподобие Камиллы.

И подумай на досуге, Джозеф, не слишком ли завышены твои ожидания? Ведь в Нью-Йорке трудно отыскать подходящего ассистента. Особенно если босс — вечно недовольный перфекционист, желающий, чтобы все было идеально. И поэтому не позволяющий жить спокойно остальным.

Да и найти достойного помощника — лишь полдела: его еще надо обучить. А это такая морока! Ему уже осточертело вводить в курс дела новичков! К тому же, по его наблюдениям, современную молодежь сложно учить чему-то новому: в колледжах они подвергаются необратимой умственной деградации. Порой он даже подумывал нанять человека, чтобы тот взял на себя функцию инструктора. Интересно, как бы назвать эту должность? Ничего не приходило в голову, кроме абсурдного «ассистент доктора, инструктирующий будущих ассистентов доктора».

Джозеф повертелся в кресле и замер. Взгляд его окутала пелена, щеки впали — ничего не поделаешь, такова особенность его темперамента, никакая эмоциональная вспышка не проходит бесследно, тем более такая сильная, как сегодняшняя, напрочь выбившая его из колеи. Он глубоко вздохнул и почувствовал, что головная боль усиливается.

«Я скала. Я смогу, — зашептал он в твердой уверенности, что самовнушение поможет. Оно всегда спасало в стрессовых ситуациях, оказывая благотворное влияние как на тело, так и на ум, превращая плохое в хорошее, а хорошее в лучшее. — Да, ситуация не из приятных, но это не повод для отчаяния. Это всего лишь пыль, которую легко смести. Когда все закончится, я испытаю огромное облегчение. В мыслях я не буду возвращаться к прошлому, я избавлюсь от тягостной обузы. Буду идти навстречу удаче, счастью, буду наслаждаться жизнью!»

Он невзначай бросил взгляд на стену и заметил, что старик Фрейд скривился в насмешливой гримасе.

— Какого черта... — пробормотал Джозеф сквозь зубы. — Что такое?

Старик не растерялся.

— Ничего особенного, — заявил он, — хотя я вас несколько недооценил. А сейчас хотел бы похвалить, причем искренне...

— Почему это? — Джозеф внимательно посмотрел на портрет.

— Удовольствие! Какое же удовольствие доставляет мне видеть вас в минуты, когда вы занимаетесь самовнушением. Вы так искусно сживаетесь со своей ролью, вкладывая в нее столько сил, что впечатление создается поразительное. Если бы вы не посвятили жизнь психоанализу, из вас вышел бы выдающийся актер! Вам полагается медаль за артистичность...

Боже, опять этот надоедливый старикашка несет бред! Впрочем, Джо, может, ты и вправду заслуживаешь похвалы? Или профессор снова осмелял тебя? Скорее наоборот: его тон хоть и был торжественным, но казался вполне вежливым. Он не шутил. В таком случае нельзя не отдать должное его стойкости: она наверняка ему понадобилась, чтобы не выдать чувства зависти к твоим многочисленным талантам...

Куда же запропастилась визитная карточка той пресловутой конторы? Неужели он вышвырнул ее в мусорную корзину? Он потянулся к «Желтым страницам». Ага, вот и оно, Simply Solution — агентство по набору персонала!

Сняв трубку и набрав нужные цифры, он тревожным баритоном сообщил, что ему, доктору Джозефу Уилсону, экстренно, не позднее сегодняшнего вечера, требуется ассистентка «с энтузиазмом» на полную ставку («Но только пусть она будет не из числа тех, кто все знает»), с опытом делопроизводства, умеющая общаться с людьми и вести

прием посетителей. И, что крайне важно, она должна быть организованной и покладистой. И вовсе необязательно присылать юную и фееричную персону! Главное, чтобы в конце рабочего дня она все еще была способна улыбаться.

Он ожидал, что в ближайшие день или два ему придется погрузиться в изнурительные собеседования с кандидатками из базы Simply Solution. Так все и происходило каждый раз: он проводил одно интервью за другим, и ему начинало казаться, что каждая потенциальная «мисс Вселенная» пытается убедить его, что пределом ее мечтаний было записывать в блокнот поручения босса и отвечать на телефонные звонки. Он не верил ни одной из них, потому что позы, которые они при этом принимали, заставляли усомниться в искренности их слов...

Около часа он предавался размышлениям, но внезапно они были прерваны звуком открывающейся двери в приемной. Джозеф подождал пару мгновений, чтобы не показаться слишком взволнованным, после чего привстал, намереваясь встретить посетителя («Моя внешность в полном порядке: и лицо, и одежда!»). Но деликатный стук в дверь кабинета раздался раньше, чем он успел встать в полный рост. На пороге стояла невысокая брюнетка средних лет в строгом темно-синем костюме современного покроя, который приятно обтягивал изящные формы. Волосы женщины были аккуратно собраны в высокий пучок, открывающий уши и длинную шею, глаза слегка подведены, в ушах висели, поблескивая, небольшие серьги. Они подчеркивали черты лица незнакомки, делая их тонкими и привлекательными.

Оглядевшись, она сделала несколько решительных шагов к его столу, застучав невысокими каблучками черных туфель-лодочек. Когда между ними осталось несколько шагов, она остановилась и смело посмотрела в его глаза. Уилсон обошел стол и, незаметно прикоснувшись потной рукой к брюкам, протянул ее для рукопожатия.

— Мистер Уилсон? — произнесла она приятным бархатистым голосом. Мягкий запах лаванды исходил от ее маленьких белых рук, а на пальцах он заметил два неприметных кольца, но не обручальное!

— Я Эмма. Мисс Эмма Мур.

— Доктор Джозеф Уилсон, — представился он сдержанно, но учтиво.

В момент, когда они пожали ладони, он, к удовольствию своему, ощутил крепкое, почти дерзкое рукопожатие (вялые и безжизненные пожатия он называл «дохлой рыбой»). Оно говорило, что перед ним спокойный и уравновешенный человек с адекватной самооценкой, знающий, чего хочет, но умеющий приспособливаться к окружающим. А невидимые глазу волны ее биополя, или флюиды, несли неподдельный дружественный настрой. Придя в соприкосновение с его флюидами, они заставили его проникнуться симпатией к незнакомке. Он вдруг почувствовал, что обрел почву под ногами, и утренняя катастрофа предстала в совершенно ином свете: Люси не стоила того, чтобы трепать себе нервы. Разумные люди не тратят душевные силы на подобную ерунду.

Мисс Мур обладала манерами истинной леди; находясь рядом с такими людьми, мы невольно подтягиваемся и ведем себя благородно. С грацией кошки она уселась на край кресла. Держа спину прямой, а колени сведенными вместе и слегка наклонив ноги так, как это делает герцогиня Кейт Миддлтон, она взглянула на доктора. Несколько мгновений они пристально смотрели друг другу в глаза.

Она видела перед собой статного мужчину чуть выше среднего, лет сорока семи, с продолговатым лицом и прямым носом с небольшой горбинкой, что выдавало натуру упрямую, с выразительными ноздрями, короткими черными волосами с проседью. Она даже поймала себя на том, что залюбовалась его внимательными карими глазами, обрамленными темными ресницами, правильно очерченным ртом,

обнажавшим в сдержанной улыбке ряд крепких белых зубов. Впрочем, доктор не должен догадаться, что она находит его привлекательным! Все же она нашла его довольно обаятельным, именно таким, как описали в агентстве, добавив, правда, к образу нанимателя такие нелестные эпитеты, как «чрезвычайно требовательный», «капризный и дотошный» и «строгий вдовец, который, скорее всего, никогда больше не женится». Ей не понадобилось много времени, чтобы понять: этот мужчина не из тех придирчивых боссов, которые называют белое черным. Если не брать во внимание его серый костюм — он действительно был «строгий». Хотя наметанный глаз Эммы, оценив качество материала и покрой, отметил, что он стоит бешеных денег, ей еще предстояло узнать, что доктор любит скромность и находит в ней изысканность, считая, что во всем должна быть умеренность: удобство, функциональность и изящество простоты.

«Помни о профессионализме, Эмма! — напомнила она себе. — Ты пришла сюда работать!» Она смело встретилась взглядом с Джозефом.

— Как вы понимаете, меня прислали из агентства. Позвонили и сказали, что это очень срочно. Надеюсь, я не опоздала, доктор Уилсон...

— Вы пришли вовремя, мисс Мур. Спасибо.

— В агентстве мне сообщили, что я пятый претендент на эту должность...

— Да, дело в том, мисс Мур, что за два года сотрудничества они прислали сюда четырех ассистенток. Увы, никто из них, если не считать последнюю, Люси, здесь надолго не задержался...

— Знаете, сэр, я не хотела бы, чтобы вам пришлось нанимать шестую. — Ее брови взметнулись. — Поэтому твердо намерена убедить вас, что смогу быть ответственным ассистентом, во всяком случае, приложу для этого все усилия.

Если его и удивила ее смелость, то он не подал виду. Его глаза продолжали внимательно на нее смотреть.

— В таком случае вам следует начать меня убеждать, — произнес он. — Не будем терять драгоценное время. — Он перевел взгляд на распечатанные на принтере бумаги. — Итак, в вашем резюме говорится, что вы изучали несколько иностранных языков. В частности, вы владеете испанским и французским...

— Французским — совсем немного, сэр. А на испанском языке я говорю почти как на английском. Моя бабушка по материнской линии иммигрировала в Штаты из Испании во время Гражданской войны.

— И вы, как я вижу, имели многолетний опыт работы в нотариальном бюро. — Он задумчиво перебирал документы, лежавшие перед ним.

— Да, это так, сэр.

Он опять взглянул на нее.

— У вас отменные отзывы. Очевидно, вы были ценным сотрудником в бюро, похоже, даже безупречным, не допуская ошибок...

— Ну что вы, сэр! Никому еще не удавалось стать профессионалом, не совершив при этом массу ошибок.

Ее искренность подкупала.

— Так отчего же вы ушли?

— Там я достигла всего, чего хотела. И поняла, что мне нужен новый челлендж. Мне нравится бросать себе новые вызовы и проверять, на что я способна. — Она улыбнулась искренне и непринужденно. — И потом, сэр, перемены — это всегда залог успеха... Ну, или почти всегда...

— Хорошо, мисс Мур. Мне нравится ваш энтузиазм. Какие еще позиции вы рассматривали для себя?

— Лишь эту, доктор Уилсон. Она отвечает моим запросам.

— Но вы понимаете, мисс Мур, что эта работа подразумевает не только делопроизводство, но в большей степени

умение и желание общаться с людьми? Вам придется вести телефонные переговоры, принимать посетителей, выполнять мои поручения. Для этого требуется высокая организованность, самоконтроль, позитивное отношение к делу...

— Именно это стало одной из причин, почему я и направила резюме в агентство по набору персонала.

— Вы должны понимать, что будут переработки, за которые, конечно, полагаются доплаты...

— Доктор Уилсон, о вашей репутации ходят слухи. И мне известно, что вы достойно оплачиваете услуги своих помощников.

Ее взгляд остановился на циферблате его дорогих механических часов — римская нумерация не врет! — их хозяин, несомненно, человек консервативный, пунктуальный и педантичный. А Джозеф достал из выдвижного ящика небольшой файл и протянул ей:

— Я бы попросил вас перевести это, мисс Мур...

Документ был на испанском языке. Эмма пробежалась по нему глазами, прежде чем перевести на английский. После чего он дал ей первое, что попало на глаза, — свежий номер *New York Times* и попросил проделать обратное: перевести кусочек статьи на испанский. Когда она закончила, доктор откинулся в кресле. Его удивила на редкость правильная испанская речь — он ожидал, что подловит ее на лжи, когда она заговорит на ломаном языке. Он надеялся, что вот-вот услышит ошибки, но она не сделала ни одной. И ему стало стыдно перед самим собой за предвзятость и скептицизм.

Поймав на себе пронзительный взгляд, он поднял глаза и наткнулся на портрет профессора. Было видно, старине Фрейду не терпится что-то ему сообщить. Джозеф перевел внимание на Эмму: как же хорошо, что она не может слышать голос отца психоанализа! Краем глаза он подметил, как задвигались усы и бородка великого ученого — профессор, в попытке привлечь к себе внимание, наморщил лоб

и, страстно желая поделиться с ним своими наблюдениями о незнакомке, беззвучно зашевелил губами: «Эй, Уилсон, отложите-ка в сторону свои дела и послушайте мудрого наставника. Бьюсь об заклад, вы ей нравитесь! И не смотрите на меня так. Разве вам не приятно, что люди, особенно женщины, взирают на вас с обожанием? Вас это не заводит? Стыдиться здесь нечего. Кто этого не любит? Так уж мы, мужчины, устроены. Да и она миловидна, а выражение ее лица чувственно и мечтательно, как у моей Марты. Вы смущены, Уилсон... Это хорошо. Однако нельзя забывать, что чем безупречнее человек снаружи, тем больше низших демонов у него внутри. Как любил поговаривать мой ученик Карл Юнг: «Красивая женщина — источник беспокойства. Она, как правило, ужасно разочаровывает, это как кусок пирога, который видишь, но не можешь съесть». Правда, здесь есть исключения. А потому — забудьте о демонах! Будь я не покрытым плесенью стариком, непременно бы приударил за этой фройляйн! Ничто человеческое мне не чуждо. К тому же, как понимаю, она женщина свободная. Вы ведь заметили ее хорошие манеры и то, что она напрочь лишена легкомыслия? Вам этого мало? Или вы будете дрожать от страха? Вам, дружище, не помешает рядом хорошая женщина, которая бы заботилась о вас и Оливии, радушно принимала гостей в вашем доме и согревала вас по ночам...»

— Хорошо, мисс Мур. Благодарю вас! — выпалил Джозеф, пропустив мимо ушей высказывания старика, чьи отношения с женским полом, насколько ему было известно, носили далеко не однозначный характер. У Джозефа имелось свое мнение на этот счет. Сейчас интуиция говорила ему: Эмма способна выполнять эту работу, и их сотрудничество будет приятным.

Но существовала одна проблема, в которой Джозефу было трудно признаться даже самому себе. Дело в том, что Эмма понравилась ему как женщина. Он осознавал, что ис-

пытывает эмоции. Обычно такое с ним происходило, когда он смотрел на Вивиан. Он мог лишь предполагать, что ощущал сейчас именно эти эмоции, ведь за много лет ее отсутствия он забыл, что это такое, а чувства, которые помнил, казались плодом его воображения. Но, как бы там ни было, он, сорокасемилетний вдовец, чьи лучшие годы остались позади, не отказался бы выпить кофе с Эммой после приемных часов. Но он терзался, понимая, что никогда не сможет этого сделать, если предоставит ей должность: он взял за правило отделять работу от личной жизни (которой, впрочем, после Вивиан у него и не было). А если он откажет Эмме в работе, ему придется искать нового ассистента. Только не это!

— Вы умеете набирать текст на компьютере, мисс Мур? — продолжил он, сделав глубокий вдох.

— Конечно, сэр.

— Быстро?

— О да, сэр.

— А что бы вы сказали, — любопытствовал он, — если бы я попросил приготовить мне кофе?

— Спросила бы, с молоком или без, сэр, — мягко ответила она.

— Ну, в таком случае я нанимаю вас, мисс Мур, — произнес Джозеф с улыбкой. — Когда вы готовы приступить?

— Завтра с утра, сэр. Я могу прийти в восемь ноль-ноль. Люблю рано вставать и первой приезжать на работу...

— Полагаю, восемь ноль-ноль — это слишком рано. Приходите лучше к девяти. А пока возьмите, пожалуйста, подробную должностную инструкцию со стола Люси, точнее, теперь уже вашего стола.

— Я уже взяла, сэр... — произнесла она с обворожительной улыбкой, вдруг заигравшей на пухлых губах.

— Да, и вот что еще, мисс Мур... зовите меня доктором, хм... не сочтите это за странность. До завтра!

— В таком случае, и я попросила бы вас звать меня Эммой. До завтра, доктор Уилсон. И позвольте поблагодарить, что доверили мне такую ответственную работу.

Переполненная радостью, она попрощалась с Джозефом, но на секунду задержала взгляд на дипломах в рамках на стене, поправила один из них, висящий немного неровно, а затем направилась к выходу. Только тогда она припомнила, что в его почтительном голосе проскользнули едва заметные нотки сожаления. «Возможно, это просто усталость», — предположила она.

— Зонт! — услышал он командный голос и посмотрел на стену. — Безобразие, Уилсон! Почему вы не предложили зонт этой очаровательной даме? Где ваш большой черный зонт? Ваша рассеянность абсолютно непростительна! Сейчас хлынет проливной дождь.

— Прошу вас, доктор Фрейд, оставьте...

— Барометр опускается: я ощущаю покалывание в ногах, а это верный признак приближения непогоды...